

МАРК КОПЕЛЕВ
НАТАЛЬЯ РАПОПОРТ

EX EPISTOLIS

или

двадцать два признания
Марка Копелева

**МАРК КОПЕЛЕВ
НАТАЛЬЯ РАПОПОРТ**

EX EPISTOLIS

или

**двадцать два признания
Марка Копелева**

Марк Копелев и **Наталья Рапопорт**

Ex Epistolis или двадцать два признания Марка Копелева

Mark Kopelev and **Natalia Rapoport**

Ex Epistolis or Twenty Two Confessions of Mark Kopelev

Печатается в авторской редакции

Copyright © 2018 by M. Kopelev and N. Rapoport

All rights reserved. No part of this book may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without written permission from the copyright holder, except for the brief passages quoted for review.

ISBN 978-1940220956 (paperback)

ISBN 978-1940220963 (hardcover)

Library of Congress Control Number: 2018964369

Published by M•GRAPHICS, BOSTON, MA

☐ www.mgraphics-publishing.com

✉ info@mgraphics-publishing.com
mgraphics.books@gmail.com

Фотографии в тексте и на обложке: из архивов авторов.

Фотографии на задней обложке: *Н. Рапопорт и М. Копелев*

Printed in the United States of America

*Авторы этого эпистолярного романа
желают и Вам
радости от переписки с друзьями
Наташа и Марк*

В книге:

Предисловие Натальи Рапопорт

Несколько вступительных слов
о соавторе и книге 9

Краткая биографическая справка . . . 12

Предисловие Марка Копелева 15

Фолдер первый. 17

Фолдер второй 247

Послесловие. 395

ПРЕДИСЛОВИЕ НАТАЛЬИ РАПОПОРТ

Несколько вступительных слов о соавторе и книге

ЭТА КНИГА НАПОМИНАЕТ ПО СТРУКТУРЕ скрипичную сюиту. Марк играет в ней партию скрипки, я — аккомпанемент. Сейчас трудно поверить, что нашему знакомству всего четыре года: кажется, что оно началось целую жизнь тому назад.

В книгах принято ставить даты начала и завершения: год, иногда год и месяц. Мы, благодаря современным технологиям, знаем эти даты с точностью до минут и секунд. 19 февраля 2014 года в 5 часов 29 минут я получила электронное письмо: *«Здравствуйте Наташа! Моё имя Марк Копелев, я друг Тимура Шаова, я фотограф»*. Для книги, которую вы держите в руках, это была минута зачатия.

Булгаков учил: никогда не разговаривайте с неизвестными. Наверное, и переписываться не следует. Но здесь случилась совсем другая история: писал ДРУГ ТИМУРА ШАОВА. Лучшей рекомендации не требовалось. Марк писал, что к пятидесятилетнему юбилею Тимура он готовит фотоальбом с поздравлениями от людей, которых любит Тимур и которые любят его. Объяснил, что приглашает участвовать в альбоме только безусловно рукопожатных людей, и что *поздравления Тимур у уже прислали Шендерович, Войнович, Иртенъев, Смахов, Макаревич, Ким, Губерман и другие достойные лица*.

Я, конечно, сразу согласилась, потому что очень люблю и самого Тимура, и его песни. Но, начав думать о запрошенной Марком «паре строчек», поняла, что попала в историю в прямом и переносном смысле. Как не оказаться «чёрной дырой» в такой созвездии?! Я присылала Марку один вариант текста за другим, извинялась, падала в ноги, слёзно просила заменить. И тут высветилась первая пленившая меня чер-

та моего будущего соавтора: его бесконечное долготерпение, уважение к моим творческим мукам и доброжелательность. «Не переживайте так, Наташа, — ободрял меня Марк, — пока альбом не отправлен в печать, меняйте сколько угодно; ваш текст и в самом деле становится с каждым разом всё лучше; главное, чтобы он вам самой нравился и понравился Тимуру».

Марк прислал мне для примера несколько готовых листов альбома, и я увидела руку Мастера. Посмотрела в интернете его портретную галерею и ахнула. Такие яркие и выразительные портреты моих современников я видела, пожалуй, только у Юрия Роста.

Наша переписка быстро вышла за рамки Тимуровского юбилейного альбома. Мы оказались очень похожи по вкусам, оценкам людей, отношению к жизни, как будто выросли в одном дворе и играли в одной песочнице, хотя Марк родился на Дальнем Востоке, учился в ЛГИТМиКЕ, и был по образованию театральным режиссёром, а я родилась в Москве, училась в МГУ и была по образованию химиком. Выяснилось, что оба мы пишем книги. Его «Письма с того света» я прочитала запоем, ему моя «То ли быль, то ли небыль» тоже очень понравилась.

Кстати, о профессии. Когда от Марка пришло первое письмо, где он представился «я фотограф», мой муж проворчал «...фотограф, портной — отгадай, кто ты такой». Муж, как обычно, оказался провидцем. В процессе нашей переписки выяснилось, что Марка за политическую неблагонадёжность выгнали из режиссёров Новосибирского телевидения с волчьим билетом. Профессия была для него закрыта, а надо было как-то выживать. Тогда он начал шить. Шил «фирменные» куртки, портки и свитера, и так преуспел в этом деле, что в Штатах, где он по логике вещей в конце концов оказался, Марк двадцать лет проработал портным в «Метрополитен Опера» и шил костюмы на Паваротти, Доминго, Хворостовского и других звезд мировой оперы. А параллельно с этим фотографировал и писал книги.

Но я забегаю вперёд и отвлеклась от истории. Мы с Марком оказались интересны друг другу, завязалась активная переписка, и неожиданно получилась эта книга. Сначала Марк сделал мне сюрприз: как подарок к нашему первому совместному

Новому Году, он расположил наши письма в хронологической последовательности, художественно оформил и отпечатал в типографии в виде альбома тиражом два экземпляра — один мне, другой ему. Я перечитала нашу переписку, и тут мне высветилась вторая пленившая меня черта моего соавтора: его поразительная искренность. Марк в любой ситуации остаётся самим собой, а о его литературном таланте пусть судит читатель. Мы показали нашу переписку друзьям. Они сказали, что эта переписка — портрет Времени, и посоветовали издать настоящую книгу.

А окончилась эта книга 29-го декабря 2014 года, когда Марк в первый раз улыбнулся нам с мужем сквозь стекло аэропорта Вэст Палм Бич, куда мы прилетели по его приглашению, чтобы познакомиться лично и встретиться вместе Новый Год. Но после проведенной вместе недели, ведра выпитой водки и перехода на «ты», да при наличии современных волшебных средств коммуникации, продолжать общение по переписке оказалось невозможно. Какая переписка, если мы каждый день видели друг друга на Скайпе и беседовали часами?! Марк предупреждал, что этим кончится. Этим и кончилось. Но я ни о чём не жалею.

Краткая биографическая справка

МАРК КОПЕЛЕВ РОДИЛСЯ В ТИПИЧНОЙ СОВЕТСКОЙ семье (мама военврач, папа инженер) в самый разгар военных действий Второй мировой войны. Думаю, что это наложило отпечаток на его дальнейшую жизнь.

Сначала всё было как у людей. Учился в школе, в меру влюблялся, в меру познавал жизнь. Потом начал искать себя. Пытливый и высокообразованный юноша, Копелев не окончил два высших учебных заведения. Сначала он не окончил Владивостокский политехнический институт, навсегда вписав своё имя в его славную историю. Он не ушёл из института (*нота бене*: по собственному желанию), пока не сдал на отлично — с *одинадцатой* попытки — теоретическую механику. Его портрет до сегодняшнего дня украшает стены этой кафедры с надписью: «Их разыскивает Нобелевский комитет». Потом он не окончил по собственному желанию Владивостокский институт искусств, откуда ушёл в Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии. Этот последний институт Марк по собственному желанию окончил и получил диплом театрального режиссёра, проведя два года в тёмном театральном зале за спиной у режиссёра Товстоногова.

Родина направила молодого специалиста в Рязанский театр юного зрителя. Там впервые сквозь обаятельную маску проступило отталкивающее лицо апологета западной культуры и развратителя юных душ. На самой заре независимого творческого пути, совершив чудовищную профанацию, Копелев поставил в Рязанском ТЮЗе любимую всем советским народом сказку о Коньке-горбунке, превратив её, впервые на советской детской сцене, в *мюзикл*, щедро оснащённый вредными для слуха джазовыми мелодиями. Бдительное руководство Рязанского ТЮЗа вовремя пресекло эту вражескую вылазку, как пресекало ранее первые творческие попытки Олега Еф-

ремова, Анатолия Эфроса и никому ещё не известного Иннокентия Смоктуновского. Копелев был направлен на перевоспитание в город Читу за Урал. Учтя уроки прошлого, он успешно перековывался, снимая для Читинского телевидения документальную туфту о неуклонном росте благосостояния шахтёров, строительных рабочих, геологов и всяких других покорителей тайги. За этот самоотверженный труд он был неоднократно отмечен высокими наградами местного значения, что позволило ему перейти с повышением в литературную редакцию Новосибирского телевидения. Там он десять лет успешно скрывался под личиной добропорядочного члена Союза журналистов и Союза кинематографистов. Однако сжигавший его демон растления советской молодёжи в конце концов вырвался наружу через организацию дискотек, стремительно набиравших невероятную популярность; сверх этого Копелев начал читать лекции о западной музыке студентам *Новосибирской консерватории!*

Но есть мудрая пословица: сколько верёвочке ни виться, конец будет. За *идеологическую незрелость* Копелев был изгнан из всех творческих Союзов и с телевидения. Терять ему было нечего, и он развернулся на новом поприще. И если раньше он растлевал юные души, то теперь добрался до тел, облакая их — за приличное вознаграждение — в штаны и куртки собственного изготовления, внешне не уступавшие западным образцам. Он собственноручно и весьма успешно торговал своей продукцией на Новосибирской барахолке, и на волне невероятного материального успеха даже создал свой кооператив. Трудно сказать, чем бы всё это кончилось — возможно, в дальнейшем он основал бы швейную фабрику или сел бы в тюрьму на пять-семь лет, но тут в насквозь проржавевшем железном занавесе неожиданно открылась брешь. Бывшие коллеги совершили безуспешную попытку вернуть Копелева в лоно творческой семьи и даже сняли о нём фильм «Портной», получивший престижные призы. Поезд, однако, ушёл. Рыбка сорвалась с крючка и уплыла в Нью Йорк, где швейное искусство Копелева оказалось востребованным в одном из лучших театров мира, Метрополитен Опера. Двадцать лет Копелев строчил на машинке в пошивочном цехе Метрополитен Опера, параллельно строча пером по бумаге («строча пером по бумаге» — это эвфемизм: свои замечательные литературные

произведения Копелев печатал на компьютере). Фотокнига Копелева «Письма с того света» о Нью-Йоркской эмиграции девяностых годов — настоящая энциклопедия эмигрантской жизни русскоязычной Нью-Йоркской богемы. Она была издана престижным издательством «Зебра», а отрывки напечатаны в журнале «Континент»; рассказы Копелева издавали и издают уважаемые журналы; недавно опубликован сборник его рассказов с предисловием Владимира Войновича.

Портной из анекдота, если бы стал царём, жил бы богаче, чем царь, потому что он бы ещё немножечко шил. Копелев оказался богаче, чем портной, писатель или царь, потому что ещё немножечко фотографировал. Его портретная галерея поставила его в один ряд с ведущими фотографами современности. К примеру, портрет Бродского в четвёртом томе пятитомника Бродского издательства Пушкинского фонда — работа Копелева; Бродский собственноручно предложил этот свой портрет издательству.

На этом, пожалуй, я закончу краткую биографическую справку.

ПРЕДИСЛОВИЕ МАРКА КОПЕЛЕВА

Эпистолярный жанр уходит. Люди почти разучились писать карандашом и ручкой, как в свое время разучились писать гусиным пером. Это не беда, писать можно и на клавиатуре компьютера и на дисплее телефона, хотя, когда человек водит пером по бумаге, мысли текут иначе. Беда в другом. Люди перестали писать письма. То есть излагать на бумаге мысли. Разучились описывать свои чувства. Оставили попытки поделиться своей болью или радостью с далёкими близкими людьми. Это печально. Человек, который получает письма, богаче того, к кому письма не приходят. Голос по телефону или по скайпу не остается с тобой. Мысль, чувство, суждение, не изложенные на бумаге, исчезают, уходят в небытие.

«Надо же что-то описывать! — сказал Воланд Мастеру, — Если вы исчерпали этого Пилата, начните описывать хотя бы этого Алоизия...»

Мир каждого человека — это отдельная вселенная. Там рождаются галактики, взрываются и гаснут звезды, возникают и умирают планеты. Только в мутном космосе Алоизия и галактики такие же мутные и планеты кривые, необитаемые. Однако, и эти галактики надо описывать: иначе как же узнать, что в этом тусклом мире происходит.

Конечно, есть отдельные маргиналы, которые пишут книжки. Но кто в наш сумасшедший век телевидения и интернета их читает? Старики свои книжки прочитали в молодости, среднему поколению читать некогда — оно сидит в Фейсбуке и щебечет в Твиттере, молодежь обменивается SMS-ками, и смотрит телевизионную жвачку, поставляемую ей этим малограмотным средним поколением. Разучившись писать, люди отучаются думать.

И что же делать, спросите Вы? А ничего. Рассуждать о всеобщем падении нравов—дело непродуктивное. «Каждый выбирает по себе». Пишите письма друзьям и получайте от них ответы. У человека, который получает письма, будущее не может быть абсолютно темным и пустым. Вы уйдете, а письма останутся. И возможно, кто-то из потомков захочет их прочитать. Хочется верить, что это непременно случится.

ФОЛДЕР ПЕРВЫЙ

*Хорошо, когда есть кому написать.
Как это прекрасно — сесть за стол,
взять ручку и писать, перенося на
бумагу свои мысли.*

*Харуки Мураками.
«Норвежский лес».*

*В своем сочинении я написала, что
письма — это разговор сердец, а мне
поставили тройку.*

(Из школьного сочинения)

Mark Kopelev – Наташе Рапопорт

19 февраля 2014, Englewood, NJ

Здравствуйтесь, Наташа!

Мое имя Марк Копелев, я фотограф, друг Тимура Шаова. В этом году Тимуру исполняется 50 лет. Юбилей, однако, у юноши. В связи с этой славной датой я готовлю фотоальбом. Мне бы хотелось, чтобы в этом альбоме были поздравления от людей, которых он любит, чьим вниманием он дорожит, и которые любят его. Это может быть небольшой стишок, шуточное короткое эссе или просто поздравление. В этом проекте уже участвуют Виктор Шендерович, Владимир Войнович, Игорь Иртеньев, Вениамин Смехов, Андрей Макаревич, Дмитрий Быков, Владимир Вишневецкий, Владимир Качан, Юлий Ким, Юлий Гусман, Александр Градский, Игорь Губерман и другие достойные люди. Некоторые уже прислали свои тексты. Был бы очень признателен, если бы и Вы написали пару строчек.

Пожалуйста, подтвердите получение письма, чтобы я был уверен, что послал письмо по правильному адресу.

С уважением Марк Копелев.

P. S. Естественно, это делается втайне от Тимы.

Natasha Rapoport – Марку Копелеву

19 февраля 2014, Salt Lake City, UT

Дорогой Марк. Письмо получила и задачу свою поняла! Надеюсь, моя нежная любовь к Тиме прорвётся в литературное произведение, над которым начну немедленно работать! Я знаю, что юбилей 14-го июля. А когда они приезжают?

С тёплым приветом, Наташа.

Mark Kopelev – Natasha Rapoport

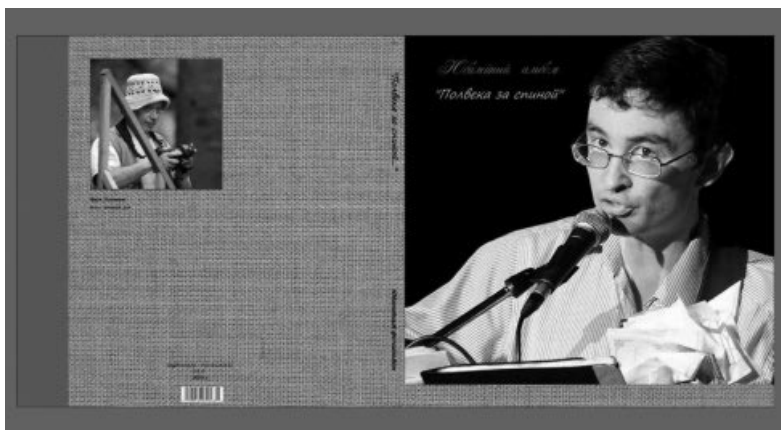
19 февраля 2014, Englewood, NJ

Да, по-моему, до осени и не приедут. В июле я сам поеду на празднование юбилея. И по сердечному влечению, да и зван. А стал я работать так рано, потому что найти, обзвонить, списаться с таким звездным составом достаточно трудно. А ведь им тоже надо и подумать, и написать, а люди все занятые. Некоторые, как, например, Войнович или Слонимский, не очень дружат с интернетом. Другие, как Жванецкий и Барышников,

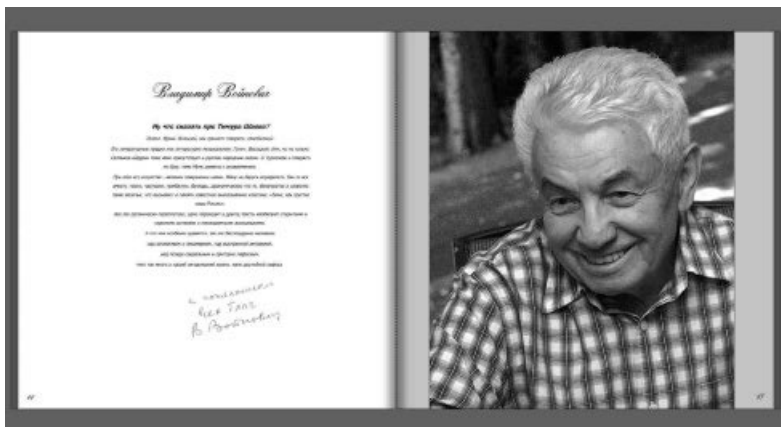
со всех сторон обложены администраторами и директорами, которые сами Тиму не знают, но надувают щеки и к телу хозяина не подпускают. Мол, «не барское это дело» самому Жванецкому поздравлять какого-то Шаова. А между тем я точно знаю, что Барышников любит Тимины песни. Но поди подобрать! А прямого телефона у меня нет, хотя мы и знакомы. Может у Вас есть? Но в основном все откликаются, а многие уже прислали тексты.

Чтобы Вам было легче работать над «литературным производением» посылаю несколько уже готовых разворотов альбома.

С уважением Марк Копелев.

Предполагаемая обложка

Ugo Basso

*È una storia che inizia
in un tempo lontano
quando un mio amico
mi raccontò tutto.*

*Una vita a me stesso
non sono affatto solo
perché ho una donna
e un figlio, un figlio.*

*Una storia è sempre
c'è chi ti aspetta
in casa, un amore
e un bambino.*

Ugo Basso

Tost Arsen Moscarella

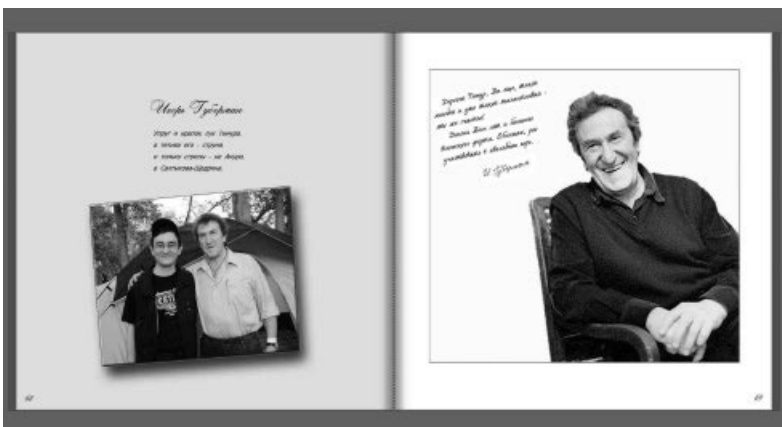
REPORTAGGIO A NICKI TERESA BIANCHI SU "TOSTOSTOIA 0127"

*"Il personaggio è stato descritto in modo molto più che un
personaggio. È stato descritto dalle persone che lo hanno
frequentato in un modo che non solo descriveva il suo
personaggio, ma anche il suo carattere".* (2017) (1) (2) (3) (4) (5) (6) (7) (8) (9) (10) (11) (12) (13) (14) (15) (16) (17) (18) (19) (20) (21) (22) (23) (24) (25) (26) (27) (28) (29) (30) (31) (32) (33) (34) (35) (36) (37) (38) (39) (40) (41) (42) (43) (44) (45) (46) (47) (48) (49) (50) (51) (52) (53) (54) (55) (56) (57) (58) (59) (60) (61) (62) (63) (64) (65) (66) (67) (68) (69) (70) (71) (72) (73) (74) (75) (76) (77) (78) (79) (80) (81) (82) (83) (84) (85) (86) (87) (88) (89) (90) (91) (92) (93) (94) (95) (96) (97) (98) (99) (100)

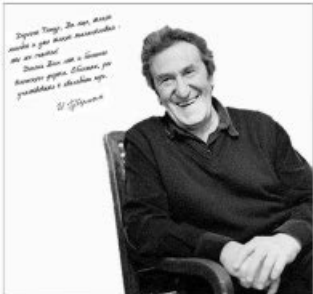
*Da oggi chi
Da oggi chi
Meh- nonno me velle...!
Eppure, ho oggi a gelatina?*

Tost

Ugo Basso

*Ugo è stato un tempo
a tempo era - Ugo
e tempo era - un tempo
e tempo era - Ugo*

*Dopo Ugo, in un tempo
anche a un tempo
Dopo Ugo, in un tempo
Dopo Ugo, in un tempo
Dopo Ugo, in un tempo*

Ugo Basso

Наташа Рапопорт — Марку Копелеву
19 февраля 2014 г., Salt Lake City, UT

Марк, какой класс!!! Губерман, Иртеньев, Войнович — звёзды! Моё литературное произведение тоже почти готово — сложилось на одном дыхании, от великой любви. Муж велел отшлифовать, придётся подчиниться.

К сожалению, домашнего телефона Барышникова у меня никогда не было, была его карточка, но я её что-то пока не нашла — лежит где-то в кругу других великих, а где лежат великие — в моём бардаке сразу не сыщешь. Если найду, немедленно пришлю. И текст тоже, когда отлакирую.

Ваша Наташа.

Mark Kopelev — Наташе Рапопорт
21 февраля 2014 г Port St. Lucie, FL

Смотрите-ка, как у Вас всё серьезно — с домашней цензурой. Ну, давайте, полируйте, только не долго. Кстати, о развотах. Фотографии «великих», которых я сам не снимал, мне пришлось выкачивать из интернета. Но Ваша фотография в интернете всего одна и очень плохого качества. Так что мне понадобится несколько Ваших фото, чтобы я мог выбрать.

С уважением Марк Копелев.

А пока, если будет время и желание, посмотрите мою галерею «великих»:

<https://picasaweb.google.com/106911070425355770296>

Наум Коржавин

«Лицо в толпе». Михаил Барышников

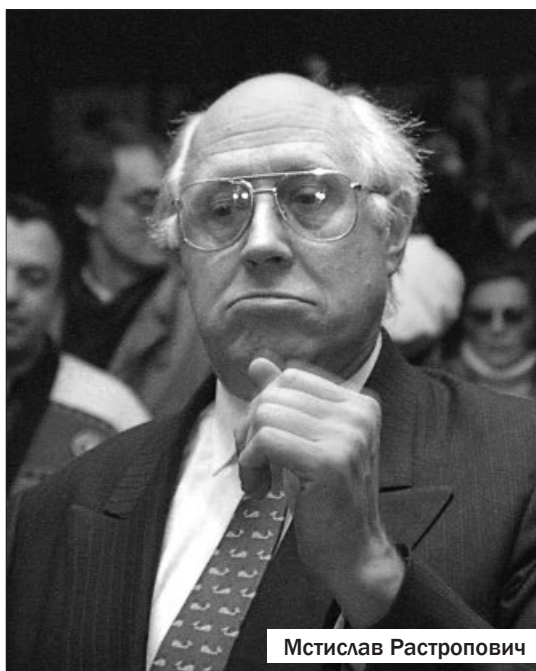
Василий Аксенов

Мария Розанова и Андрей Синявский

Иосиф Бродский

Мстислав Растропович

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
21 февраля 2014 г., Salt Lake City, UT

Марк, дорогой, какая портретная галерея!!! И не кривите душой — Вы да Рост, таких больше нет! Среди других портрет Эмочки Коржавина сразил меня наповал. Я пишу сейчас новую книжку под условным названием «Скажи мне, кто твой друг...». Там будет тетрадка посвящений с небольшими комментариями, одно из посвящений — Коржавину к 80-летию:

*Столетье уж скоро, но снова
В почтенье склоняя главы,
О судьбах мы слушать готовы
Российской горячей избы.
На эту извечную тему,
Одет в нероссийский наряд,
Толкует божественный Эмма,
А избы горят и горят...*

А какая Марья Васильевна!!! Боже, как уловил!!!

Посвящение Тиме прикреплено к этому письму. Там баллада и отдельно — надпись на фотографию, очень личная. Однажды я прилетела в Германию на конференцию, остановилась у друзей в Висбадене, и мой друг Кандрор мне говорит: слушай, завтра мы едем в Майнц на концерт Шаова, но тебя взять не можем, билетов давно нет. Я сказала: давай всё-таки рискнём. Он: «Бесполезно. Билеты все распроданы много месяцев назад. Тебе придётся шататься несколько часов в темноте вокруг театра». Я: «Я готова. Давай рискнём».

Это было вскоре после нашей с Тимой и Мишаней феерической поездки по Ютским каньонам. Комментариев о дальнейшем не требуется. Наблюдая наши лобзания, Кандрор сказал задумчиво: «Да-а-а... Стоило рискнуть!»

Когда я бываю на Тиминых концертах, он постоянно позорит меня публичным рассказом о том, как на Стриппе в Лас Вегасе мы пили из горла виски, передавая друг другу бутылку, спрятанную в бумажный пакет. Надпись на фотографию — об этом:

*«...И счастлива, что мне судьба дала
С тобою пить из одного горла»*

Посылаю жуткое число разных фотографий на Ваше усмотрение. Некоторые — в исходном размере и параллельно — обрезанные (в хорошем смысле слова).

Сердечный привет! Сообщите Ваши впечатления!
Ваша Наташа.

P. S. Марк, я всё время забываю сказать вам самое главное: спасибо, что пригласили меня в такое созвездие! Сердечный привет! Наташа.

***Mark Kopelev — Наташе Папопорт
22 февраля, Port St. Lucie, FL***

История с виски действительно легендарная. Он мне ее раз пять рассказывал. Я потому о Вас и вспомнил. Не может же человек, пивший с Тимой «из одного горла» быть плохим человеком. А я ставил перед собой задачу собрать не просто звездный состав, а людей талантливых и **порядочных**, которым не стыдно руку подать. А среди поклонников Тимура, как это ни странно, встречаются и не рукопожатные.

Спасибо за комплименты в адрес моих фотографий. Попутно, в связи с упомянутым Вами Юрием Ростом, расскажу Вам забавную историю. Два или три года назад я издал книжку с брутальным названием «Письма с того света». Это альбом моих фотографий и очерков об эмиграции, то есть о тех людях, которых я снимал. Книжка готовилась долго, мучительно, не было денег, потому что фотографии печатать дорого, я сменил три или четыре издательства, разругался вдрызг с Захаровым, который собственно и заказал эту книгу. И все из-за того, что издатели не понимали одну совершенно очевидную для фотографа вещь: фотографии должны быть ХОРОШО НАПЕЧАТАНЫ. А мне предлагались какие-то убогие типографии. Я капризничал и отказывался. Наконец нашлись несколько спонсоров, которые оплатили макет и печать. Деньги очень немалые. Но зато печатали в типографии РИА-НОВОСТИ. Пожалуй, после Госзнака, это лучшая типография России. Так вот директорствует там Татьяна Васильевна Иванова. Женщина метр пятьдесят ростом, это если в шляпке и на каблуках, перед которой трепещет не только весь коллектив типографии, но и издатели, и авторы, и вообще поло-

вина пишущей и печатающейся Москвы. Но я-то живу в Америке и совершенно не знал о её грозности. И поэтому шутил, рассказывал анекдоты, и вообще держался весьма непринужденно. Видимо, этим ей понравился, и она дала зеленую улицу моей книжке. И надо же такому случиться, что как раз в то же время, параллельно с моей издавалась совершенно аналогичная книга Роста. Ну, Рост уже классик, я ему не чета, перед ним все двери открыты, и даже Татьяна Васильевна при всей ее грозности вынуждена была с ним считаться. И вот я пришел в типографию посмотреть пробный экземпляр и вижу на столе у Ивановой лежат две книги: моя и Роста. У него огромный шикарный фолиант, у меня, конечно, поскромнее. Я взял в руки его книгу и говорю Ивановой:

— Вот как надо издавать шедевры!

Татьяна Васильевна скептически повела бровью и сказала:

— Ну да, ну да. А твоя-то книга получше ...

Так что вот! Самого Роста обскакал! Это я хвастаюсь. На самом-то деле я скромный.

Впечатления от Вашего «литературного произведения» самые благоприятные. Обе части замечательные.

Посылаю Ваш приблизительный разворот. Оставлю его так до тех пор, пока не сверстаю весь альбом.

И еще одна рифма. Вы упомянули «Песню гоя», а я в альбом написал стишок на мотив этой песни. Посылаю и этот разворот, и прикладываю текст.

«Песня не Гоя»

«Он не смог сдержать обиду
И уехал во Флориду...»
(Тимур Шаов)

Хоть родился я не гоем,
что ж бывает и такое —
ВЭЙ 'З МИР, об чем же здесь тужить,
если Бог для снятия стресса,
друга мне послал черкеса,
Не из худших, чтобы мне так жить!

Он еще совсем не старый
Телебенькает гитарой,
он сегодня ЗДЕСЬ, а завтра ТУТ.
Пятьдесят! — мальчишка просто,
в их горах и сто — не возраст.
ЦУКЕР ЗИС ему, АФ МИР ГЕЗУКТ.

Я ему сказал: «Тимоха!
Во Флориде жить неплохо,
Плюнь на всё и дуй сюда скорей.
Есть, конечно, цорес с макес,
Но ведь есть и цимес с нахес,
Плюс текила, водка и портвей».

А потом, как встарь, себе на ужин,
Мы закажем устриц пару дюжин,
Будем пить, шутить, кутить,
И по-черкесски говорить:

А ГЛИКЛЭХН ГЕБУРТСТОГ!

Полтинник — не итог,
Нальём без лишних слов
мой друг, ШАОВ!
И чтобы жил до ста,
гитара не уста-
ла —

МИЗЛ ЗАЙН ГИЗУНД и МАЗЛ ТОВ!

Краткий фразеологический словарь черкесского языка:

Вэй 'з мир — что-то вроде: «Боже ж, мой!»

Цукер зис — сладко, как сахар.

Аф мир гезукт — и про меня будь сказано.

Цорес — неприятности, огорчения.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву

22 февраля, Salt Lake City, UT

Марк, история с Ростом правда замечательная! Пришлите свою бизнес-карточку, я положу её с остальными великими, которых, впрочем, ещё не нашла. Я о Вас много слышала от Тимура, а посмотрела альбом — так что ж удивляться! Кстати, где можно купить «Письма с того света?».

Песня «не гоя» — высокий класс! Словарь черкесского очень помог восприятию. Как хорошо, что я не пошла вслед за Вами по этому пути — было у меня такое искушение, и муж подзуживал, и я даже попыталась (на мотив Перспектив), но у меня не пошло.

Я тут сообразила, что на издание альбома Тимура ведь нужны будут деньги. Когда мы издавали небольшой эксклюзивный тираж Губермана к его 50-летию (гаррики к нему отбирали Дина Рубина и Саша Окунь), на фронтисписе поместили крохотные фотографии, размером с муху, «спонсоров», набашлявших на это издание. Нас там было человек двести. Я предлагаю осчастливить таким же образом участников Вашего проекта, тем более что наши-то фотографии будут

иметь вполне впечатляющие размеры, не говоря о качестве некоторых.

Мой разворот мне очень понравился. Ещё бы: фотография-то 68-го года! Этой фотографии через 8 дней исполняется ровно сорок шесть лет.

***Mark Kopelev — Наташе Рапопорт
22 февраля Port St. Lucie, FL***

Здравствуйте, Наташа! Я, конечно догадывался, что эта фотография не вчерашняя. Но на этой очень хорошая улыбка, да и по техническому качеству она оказалась более-менее приемлема. И я подумал: «Да какая, в принципе, разница! Мы выглядим не так, как мы выглядим, а так, как нас воспринимают». Я со своим обвисшим брюхом и с мордой восемь на семь приехал этим летом первый раз в Израиль и встретился с друзьями, с которыми не виделся почти тридцать лет. После первого шока выпили, а они мне говорят — «ты почти не изменился!» Это я-то, который раньше весил 50 кг, с двумя бутылками водки в карманах, а теперь 90. Так что это все условно. Главное в фотографии суть. В Вашем случае — может ли этот человек пить из одного горла с Тимой или нет. Да и то, что он о Вас говорит, вполне соответствует фотографии.

Книгу мою покупать не надо, я Вам ее и так подарю. А вот с деньгами на издание альбома ситуация выглядит следующим образом. При сегодняшних технологиях книгу можно издать хоть в одном экземпляре. Только стоит это «сумасшедшие» деньги. Предыдущий альбом Тимура стоил \$198 за один экземпляр (это без учета стоимости пробного, без которого при печати фотографий не обойтись.) Но я же практически печатаю всего два экземпляра — один Тиме, как подарок к юбилею, другой себе. Тяжеловато для простого американского пенсионера, но подъемно. После того, как альбом будет готов, я разошлю письма участникам, и если кто-то за эту цену захочет (и у него будет такая возможность, что немаловажно) — you are welcome! Шлите деньги — закажу лишние экземпляры. Цена зависит от количества страниц, качества бумаги и еще нескольких факторов, и программа, в которой я верстаю альбом, сразу выдаёт конечную стоимость продукта. Так что, если Вы захотите иметь этот альбом, ближе к концу я смогу точ-

но сказать, сколько это будет стоить. Поскольку Вы живете в Америке, типография доставит альбом прямо на дом.

Текст вашего нового объяснения Тимуру в любви уже вставлен.

Что еще? Бизнес-карточку я передам вместе с книгой. Хотя зачем она Вам? Нынче все адреса и телефоны хранятся в компьютере. И нет нужды копаться и искать в «своих бардаках», которых у каждого выше крыши. Вбил фамилию в «контакты» — и всё.

Ну и, как говорит моя внучка, для «развлекухи», посылаю Вам развороты предыдущего альбома Тимура. Это первая книга, из задуманной мной серии.

С уважением и приятнью, Марк Копелев.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву

23 февраля, Salt Lake City, UT

Добрый вечер, Марик (можно так фамильярно?)

Спасибо за тимуровский альбом! Совсем сгубил: вместо того, чтобы рассматривать ультразвуковые имиджи мышей, как мне положено по чину перед тремя грядущими конференциями (две в России, одна в Лас Вегасе), рассматривала фотографии Тимура... Страницы 10–11 назначила моими любимыми. Теперь посмотрю все остальные альбомы и вообще всё, до чего доберусь. Буду счастлива получить вашу книгу!

На новый альбом подписываюсь, сколько бы ни стоил.

Хочу рассказать вам маленькую историю на тему о том, как мы выглядим и как нас воспринимают: история подлинная, и я её очень люблю. У меня есть ближайшая подруга Наташа Томилина, замечательный врач-нефролог. Сто лет назад во Втором Мединституте она училась в одной группе с неким Витей Корманом. Был кратковременный роман, потом у каждого пошла своя жизнь. По причуде судьбы я — химик — оказалась на работе в том же институте и даже в одном отделе с Витей Корманом, врачом-онкологом. И вот наступает 25-летие окончания ими мединститута, празднуют где-то в большом ресторане. К ночи прилетает ко мне Наташка Томилина, возбуждённая и счастливая: «Ты себе не представляешь, как это было прекрасно! Как будто не прошло двадцати пяти лет! Как будто и дня не прошло! Сразу ожили все старые свя-

зи, старые любви. Мальчишки, конечно, постарели, полысели и обрюзгли, а девочки, представляешь, совсем не изменились!..» На следующий день иду по территории института, окликает меня Витька Корман: «Наташ! У нас вчера был вечер встречи: 25 лет! Было просто потрясающе, все эти 25 лет сразу куда-то канули, как их и не было! Сразу возродились все старые связи. Я целый вечер не отходил от Томилиной. И вот что интересно: мальчишки за эти годы совершенно не изменились! Но ба-аа-бы...»

Марк, понимая, что вы меня убьёте, опять бью челом. У меня, если вы этого ещё не заметили, суровая домашняя цензура. Вчера «цензура» подошёл: «Покажи-ка мне ещё раз, что ты написала Тимуру». Я показала. Он сказал: «Не пойдёт! Убирай, меняй, делай что хочешь, но эта пошлятина в альбоме, посвящённом Тимуру Шаову, пока я жив, не появится!» Деваться мне было некуда, я поменяла строчку — клянусь вам, это в последний раз!!! Цензор завизировал, и результат прикреплён к этому письму. Звучит теперь довольно высокопарно:

*Любви, Тимур, все возрасты покорны,
Её порывы, право ж, благотворны,
И, наплевав на Божий суд и кару,
Тебя ловлю я по земному шару,
И счастлива, что мне судьба дала
С тобою пить из одного горла!*

Марик, я дико извиняюсь!!! Прошу, не обессудьте!
С уважением и восхищением, Наташа.

Mark Kopelev — Наташе Рапопорт
23 февраля, Port St. Lucie, FL

Дорогая, Наташа! Извините, что мои имиджи составили конкуренцию имиджам ваших мышей. Разглядывание моих фотографий занятие, возможно, более привлекательное, но мышиных наверняка более прибыльное. Передайте привет домашнему тирану-цензору. После каждого его вмешательства текст становится все более стройным. Меня, кстати, слово «угар» тоже слегка царапнуло, хотя и не раздражало. Во

всяком случае, свой труп в качестве альтернативы я бы предлагать не стал. Мне, к сожалению, такой цензуры не хватает.

Вы зря извиняетесь за правки. Пока книга не отправлена в печать, можете править хоть каждый день — это всего лишь пара кликов мышкой. Вы не единственная — многие авторы поздравлений так и делают.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
24 февраля, Salt Lake City, UT

Марик, если дадите почтовый адрес, я пришлю вам свою предыдущую книжку, называется «То ли быль, то ли небыль». Может, когда и полистаете на досуге.

Моя новая книжка «Личное дело» только что вышла, наконец, в Питере в издательстве «Пушкинский фонд». «Личное дело» — книга тяжёлой судьбы. В прошлом октябре в ЦДЛ была «презентация несуществующей книги», которую (презентацию, а не книгу) вёл Городницкий, и пел Тимур в сопровождении Мишани Маховича. Было здорово! У меня ещё есть диск с записью вечера — хотите, пришлю?

Mark Kopelev — Наташе Рапопорт
24 февраля, Port St. Lucie, FL.

Конечно же шлите. И книжку, и диск. А что там такое произошло? Почему книжка «тяжелой судьбы» и почему «несуществующей книги»? В Питере вроде бы приличные издательства?

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
24 февраля, Salt Lake City, UT

О, это история долгая и тяжелая. Даже вспоминать не хочется. Но если спрашиваете, вот она.

С этим питерским издательством меня связывает история длиной в полтора десятилетия. Около двадцати лет назад они издали мою первую книгу «То ли быль, то ли небыль». И если забыть, что издательство не включило в книгу жизненно важные для неё фотографии, а на суперобложку почему-то повесило просыхающие на верёвке кальсоны, не имевшие от-

ношения ни к тексту, ни к жанру книги, всё тогда обошлось более-или-менее благополучно. Книгу заметили.

Лиц, не причастных книгописанию и книгоизданию, взаимоотношения автора с издателем часто ставят в тупик. Возможно Вы при издании своей книги с этим не столкнулись, поэтому для начала я расскажу, как сама эти взаимоотношения понимаю. В первом приближении, существует три типа авторов. Тип первый — так называемый «бренд», издаваемый миллионными тиражами. За авторами «бренда» издательства охотятся, перегрызая друг другу глотку. С ними заключают выгодные договора и платят хорошие гонорары. Это — литературные сливки. Следующий эшелон — писатели, известные и интересные своему кругу читателей, скажем, интеллигенции. Издатели знают, с кем имеют дело, печатают их разумными тиражами и платят авторам скромные, но всё-таки гонорары. Есть, наконец, третий тип авторов. Помните, у Юлия Даниэля: «Мне автором прослыть хотелось», — утверждает испуганный Радищев». Писателям «третьего эшелона» хочется «прослыть авторами», и они готовы за это платить. При этом совсем не обязательно, что они плохо пишут: просто так уж сложилась (вернее, не сложилась) их писательская судьба. Широкий читатель их не знает. Издавать такого автора за счёт издательства — риск, на который издатели, как правило, не идут, и чтобы книгу напечатали, автор «третьего эшелона» вынужден платить немалые деньги из своего кармана.

Издавая в 1998 году в этом питерском издательстве (не хочу называть по имени) свою первую книгу «То ли быть, то ли не-быть», я была типичным автором «третьего эшелона». Меня представила туда моя подруга Лена Краснощёкова, известный литературовед, объяснив, что издательство весьма престижное и потому дорогое. Они издали, к примеру, четырёхтомник Бродского и прекрасную серию «Былой Петербург» с книгами Лотмана, Якова Гордина и других замечательных авторов. Опубликовать свою книгу рядом с такими гигантами было очень заманчиво. Договор с издательством был у меня, конечно, совершенно кабальный: издание трёх тысяч копий я полностью оплачивала, за что получала в виде гонорара пару сотен книг. Но я на большее и не претендовала.

Через несколько лет, с лёгкой руки Дины Рубиной, я переместилась в авторы «второго эшелона». К моей второй книге

Дина написала замечательное предисловие и представила её издательству «Феникс». Динино слово весомо и дорого, как золотой слиток. Её рекомендации оказалось достаточно, чтобы книгу издали тиражом в пять тысяч экземпляров за счёт издательства (и все пять тысяч разошлись!). Но в собственном сознании я продолжала оставаться автором «третьего эшелона» и легко попала на крючок Генерального директора первого питерского издательства, согласившись издать у них свою третью книгу, причём на тех же кабальных условиях, что и первую, только вместо двух тысяч долларов заплатить надо было теперь пять с половиной...

Маленькое отступление. Один из скетчей Аркадия Бухова о книгах и книжниках, «Убийство на ходу», посвящён комментариям, которыми задачливые издатели щедро удобряют публикуемые тексты. Скетч этот был написан в 1934 году, но за прошедшие восемьдесят лет в отношениях автор—издатель, видимо, мало что изменилось. Берётся, например, такой отрывок из Байрона:

*Смотрите, призрак встал кровавый,
Защитник Трои умерщвлён...
В семье Приама были нравы
Святей и чище...*

Примечания к отрывку делаются в таком стиле:

***Троя**— множественное число от слова — трёх...

****Приам**— древний грек. По некоторым источникам— мужчина. См. Историю Римской религии на немецком языке. Берлин, 1874, с. 171.

*****Семья**— соединение родственников на почве экономических интересов или бытовых предрассудков.

******Призрак**— обычай в средние века ходить вне своего тела. Ныне не существует, кроме отдельных буржуазных стран.

*******Нрав**— деепричастие от слова нравиться, нравный, нервный (см. поговорку «Норов — как боров»).

*******Умерщвлён**— убит тупым орудием на почве классовых разногласий.

*******Чище**— восклицание от глагола чистить. (Сравни у Шиллера «И чистота твоя приятна»). Чисткой сапог в Голландии занимаются прибрежные жители.

То, что делало с моей книгой питерское издательство, с удивительным соответствием укладывается в приводимые Буховым образцы комментариев. Только в моём случае в качестве «комментариев» Издательством была использована так называемая «графическая сюита», ни по смыслу, ни стилистически никак не связанная с моим текстом. В сопроводительном письме Издатель (назовём его МАГ) писал, что иллюстрации, с его точки зрения, стилистически очень поддерживают текст, ибо сопровождают его изобразительным рассказом об эпохе. «Графическая сюита» была создана, чтобы «материализовать моё слово».

Книга моя называется «Личное дело». Я написала её к своему семидесятипятилетнему юбилею, как итог прожитых лет. Открыв присланные мне после многочисленных слёзных просьб несколько десятков страниц вёрстки, я потеряла дар речи. По моему тексту разгуливал Дед Мороз с ёлочкой в одной руке и менорой в другой, рядом с ним сидел маленький зайчик; хор старых пенсионеров распевал под скульптурным портретом Владимира Ильича Ленина; простой народ ломился в пивную и в колбасные электрички... Ни ко мне, ни к моему тексту весь этот ужас не имел ни малейшего отношения. А были ещё обещаны ангелы, ведьмы и «всякая национальная чертовщина»... Издатель категорически отказывался их убрать, утверждая, что «в оформлении книги авторы зачастую ни черта не смыслят», и что цензура в России отменена, а Издательство, как оказалось, — для меня неожиданно! — не обязано ни показывать автору, ни согласовывать с автором оформление книги.

Я заметалась, как раненный зверь. Байрон в силу обстоятельств не мог протестовать против того, что Троя — множественное число от слова «трёх», а я была, хоть и через океан, но всё-таки пока еще на этой земле, и издала отчаянный вопль:

Уважаемый МАГ!

«Я потрясена Вашим беспардонным и пренебрежительным обращением с автором, невозможным ни в одной другой стране, даже менее цивилизованной, чем Россия... Это — моя книга, я — автор, и я имею право хотеть, чтобы книга мне нравилась. То, что Вы с ней сделали, мне категорически не нравится.»

В ответ Издатель дал мне суровую отповедь. Человек безусловно образованный и начитанный, он, как булгаковский Берлиоз, искусно цитировал классиков. Он писал, что моя инвектива напомнила ему рассказ Тургенева «Муму», где он — Герасим, а графическое оформление книги — это Муму.

Чтобы разрешить наш спор, Издатель предложил мне послать несколько рисунков на рецензию моим московским друзьям. Я отправила тем, кто читал рукопись. В ответ получила с полдюжины рецензий. Опуская письма с ненормативной лексикой, одну рецензию считаю возможным привести:

«Один из московских друзей — это я, известный тем, что держал в руках несколько книг, в том числе, с иллюстрациями. Так вот: нет, нет и ещё раз нет! Мне это категорически не нравится! Самое мягкое определение — чудовищное убожество... Ладно, техника, а что это за менора в руках у Деда Мороза? С какого это бо-дуна Св. Николай немецкого разлива, пересаженный на советскую почву, взял в руки цудаистский символ? Это что, типа, юмор? С таким же успехом можно нарисовать Дядю Сэма с серпом и молотом в руке. С ангелами то же самое, нет такого создания в цудаистике. Я уже не говорю об этих тётках, детишках и зайчиках, скакавших в советских детских книжках худшего разбора. Какое это всё имеет отношение к твоей книге, иллюстраторша хоть бы заглянула в неё!»...

Началась кровавая бойня. Я мечтала иметь книгу к юбилею и шла на уступки:

«Мне казалось (с Вашей точки зрения, ошибочно), что мой текст не требовал дополнительного графического портрета времени. В конце концов, под давлением обстоятельств, я на него согласилась... скрепя сердце, протянула Вам палец, разрешив включить кое-какие иллюстрации, и Вы немедленно вознамерились откусить всю руку...»

Моё письмо вывело Издателя из себя. Он писал, что Издатель, загнанный в угол, становится опасен. Что откусывать мой

палец, а тем более руку — мысль крайне неаппетитная. Что когда князь Вяземский пригласил в Астафьево Пушкина, он сказал детям: «К нам придет Пушкин. Он весь сахарный, а зад у него яблочный», и дети очень ждали. Но что я всё-таки не Пушкин...

Это было уж чересчур!

«Автор, загнанный в угол, тоже становится опасен. Я понимаю, что сейчас Вам очень хочется передо мной извиниться. На вашем месте я бы себе в этом не отказывала. Автор».

В отчаянии я обратилась к адвокату. Издатель, как честный человек, счёл необходимым меня предупредить, что в случае судебного разбирательства у него «всё схвачено»: дело будет слушаться по месту нахождения ответчика — в Петербурге. Суд передаст дело на экспертизу, экспертов пригласят либо из Союза художников, либо из Академии художеств, либо из Эрмитажа, либо из Русского музея. Там везде хорошо знают их издания, там у них немало постоянных читателей и они, конечно, беспристрастно оценят качество предложенного Издательством оформления.

Издатель хорохорился, но всё-таки явно хотел избежать суда. В какой-то момент мне даже показалось, что мы с адвокатом победили: Издатель сообщил, что под давлением моего адвоката он «испортил книгу», убрав из вёрстки внесённые иллюстрации, оставив только «сквозные летучие персонажи концовок и заставок».

Марк, не тревожьтесь и не огорчайтесь: «испортить книгу» мне не удалось. Главными *«сквозными летучими персонажами строго орнаментальных виньеток и заставок»* оказались, как и прежде, ангелы и «макбетовские ведьмы» (кстати, я никогда не слышала, что макбетовские ведьмы летали в ступе).

К моему юбилею книга, конечно, не вышла. Открывая мой юбилейный вечер в Центральном Доме Литераторов, Александр Городницкий сказал: «Сегодня мы празднуем юбилей, который уже прошёл, и презентацию книги, которой нет».

Странное это было действо: презентация книги-фантома. Справедливости ради следует отметить, что один экземпляр будущей книги Издатель всё-таки прислал мне из Питера за несколько часов до начала вечера. Я рассматривала его, как

мать рассматривает новорожденного с синдромом Дауна. Это был полуфабрикат, напечатанный без предложенных мною для оформления гравюр нашей дочери Виктории, зато с полным набором ангелов и ведьм. Обложка, кстати, оказалась вполне приемлемая, что отчасти примирило меня с российской действительностью.

Ещё, и тоже справедливости ради, должна сказать, что другой мой приятель, мнением которого я очень дорожу, сказал мне, получив в подарок книгу: «Не понимаю, что ты так копыя ломала? Книга хорошо издана. Иллюстрации настолько безликие, что их вообще не замечаешь. Есть ли они, нет их, хорошая ли графика, плохая графика — не имеет никакого значения, потому что их вообще не видишь — глаз скользит мимо, они не мешают тексту, а это главное». В каком-то отношении он прав. Конечно, предложенные мной Викины гравюры тянули бы на себя, приковывали взгляд. Но ведь я так и хотела. Книга-то юбилейная, книга — итог прожитых семидесяти пяти лет. Я хотела, чтобы мои самые близкие люди были там представлены ярко и выпукло: Володя — своим юмором, Вика — своим искусством, я сама — тем, что и как я пишу. Этого не случилось. Ну, ладно, было и бытьём поросло. Сломанные копыя сгорели в костре, пролитая кровь свернулась, и её смыло время.

Перечитала последнюю фразу. Ну и завершила! Вообще-то в книгах я себе этого не позволяю. Я пишу очень просто: что вижу, то и пою. Как акын.

Mark Kopelev — Наташе Папопорт

25 февраля, Port St. Lucie, FL

Здравствуйтесь, Наташа!

Читал историю издания Вашей книжки и грустно усмехался, потому что она абсолютно повторяет историю издания моей. Только у Вас МАГ, а у меня Захаров. Да, пожалуй, моя история растянулась на подольше — книга издавалась почти десять лет. Но у меня изначально был грамотнее составлен договор (сказался опыт сутяжничества из-за многократных увольнений в Совке). Я не предоставлял Захарову никаких эксклюзивных прав, закрепил за собой в договоре контроль на всех этапах и точно обозначил конец действия договора. По-

этому, когда он попытался меня шантажировать, я просто послал его в жопу. Он было подал на меня в суд, но я ткнул его носом в договор, где было указано, что срок договора истёк почти год назад. Правда, мне было легче, чем Вам, потому что я изначально отказался платить за свое издание — мол, вам надо, вы и рискуйте, а я жил без книжки, и еще поживу, но издавать её в том безобразном виде, в той дешевой типографии, которую предлагаете вы — не согласен. А ему очень хотелось иметь эту книгу. Он облизывался на неё, как кот на сметану. А в жизни, как известно, проигрывает тот, кто больше хочет. «Никогда Вы свою книгу не издадите!!!» — напроорочил мне на прощание Захаров.

Если переслать Вам мою переписку с ним, она буквально повторит Вашу с МАГОм.

Конечно я, как любой автор, хотел видеть свой труд изданным, но не любой ценой. А с годами амбиции мои стали как-то поумереннее, и я утешил себя мыслью, что свой кайф я уже получил, пока писал книгу. Что в общем-то правда.

Потом книжка ходила еще по нескольким издательствам, потом без фотографий (это фотокнига-то!) была издана «Континентом». Правда, уже не максимовским, а виноградовским. Оно, конечно, лестно опубликоваться в журнале, где публиковались лучшие русские литераторы двадцатого века, но издавать фотокнигу без фотографий, согласитесь, решение странноватое. Плюс опять же попала она туда не совсем легальным образом (один из моих читателей-почитателей заслал), а они, даже не поставив меня в известность, не спросив разрешения, опубликовали. Предварительно покромсав текст, как водится. Я узнал об этом почти случайно. И хотя характер у меня достаточно склочный, ни спорить, ни судиться с ними я не стал. «Континент» все-таки — лестно! Там и Бунин, и Набоков, и Аксенов с Солженицыным, и вот я. Ну, правда же, приятно!!! К тому же, это вроде как признание текста самоценным, если такой журнал как «Континент» публикует только текст, при котором фотографии должны быть по определению.

Это я себя так успокаивал. У Сэмюэля Беккета есть замечательная мысль, которая мне очень близка: «Все, что с тобой происходит, не твое дело». Вот я и решил — «не мое дело». Плюнул и забыл. И как только плюнул, сразу нашлись прилич-

ные люди, которые оплатили и художника, и верстку, и всю предпечатную подготовку, потом другие, кто совершенно бескорыстно заплатил почти миллион рублей за печать, и книга, вопреки предсказаниям Захарова, вышла. Причем именно в том виде, в котором я хотел её видеть. И, конечно же, первый экземпляр книги я с большим удовольствием послал ему. Пусть наслаждается, засранец!

Книгу я днями Вам вышлю. И с удовольствием почитаю Вашу.

Ваш Марк.

P. S. Кстати, не могли бы Вы выслать гравюры Вашей дочери, которые планировали включить в книгу. Очень хотелось бы посмотреть.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву

3 марта, Salt Lake City, UT

Добрый вечер, Марк. У меня тут на почве бессонных ночей в обнимку с налоговыми декларациями случилась Болдинская осень. С Вашего любезного разрешения переписала вторую половину посвящённой Тимуру баллады и пришла в восторг от своей находки—Вы поймёте от какой. Новый текст прикреплён. Гравюры Вики тоже прикладываю.

Mark Kopelev — Наташе Рапопорт

3 марта, Port St. Lucie, FL

Здравствуйте, Наташа! Книгу Вашу получил. Читаю. Гравюры Вашей дочери великолепны! Такой жесткой и яростной графики я давно не встречал. Она у Вас гениальный художник, и, видимо, как все гениальные люди, очень одинока и не добра. Ее работы на грани нервного срыва. Пробирает до глубины души.

Вариант Вашего нового текста уже вставил. Конечно,—«***Накинув плащ, с гитарой под полою...***»—здесь очень к месту! И ***Шаовбриан*** тоже. Но в целом, мне кажется, получилось слегка «размазано». Но это, как говорит продвинутая молодежь, ИМХО. А что Ваш домашний тиран-цензор? Одобрил эту соллогубовскую вставку?

Всего доброго.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ЧЕТЫРЕ ГОДА НАЗАД МЫ ЛЕТЕЛИ к Марку в Порт-Сент-Люси на встречу Нового Года — и нервничали, он ехал в аэропорт нас встречать — и тоже, конечно, нервничал. Мы же никогда не видели друг друга. Мало ли что... Но всё обошлось великолепно. Марк узнал нас сразу в небольшой толпе, улыбнулся радостно сквозь стекло аэропорта Вест Палм Бич, поманил рукой, и всё стало на свои места. Мы обнялись как старые друзья, встретившиеся после семидесяти лет разлуки.

Образы, созданные перепиской, не обманули. Нам было легко и интересно друг с другом. Марик восхищал меня эрудицией, остроумием и талантом режиссёра и актёра, сквозившим во всех его устных рассказах. Я очень рада, что буквально заставила его записать рассказ о постановке «Войны и Мира» в Метрополитен Опера; я терзала его, пока он не поставил последнюю точку, и отправила этот текст в «Иностранную литературу», где его высоко оценили и с удовольствием опубликовали. Марик очень радовался, и всё показывал мне по «Скайпу» обратную сторону журнала, где крупными буквами была в глаза надпись в самой середине задней обложки: «УЗНАЙ ЗАВТРАШНИХ КЛАССИКОВ!»

«Скайп»-то нас и сгубил, положив конец нашему эпистолярному роману. Сам роман, конечно, не кончился, но перешёл в формат, более соответствующий стремительному XXI веку. Зачем писать, если можно беседовать глаза в глаза, даром что между нами экран, о котором, кстати, мгновенно забываешь. Мы и беседовали почти каждый день, иногда часами. Марик читал мне всё, написанное «сегодня утром». Особенно если сам был этим текстом доволен. Да если и не был — всё равно читал, чтобы услышать моё мнение, иногда и совет. Читал он, как я уже сообщала, прекрасно, слушать его было огромным удовольствием, даже если это были совсем ещё сырые тексты. А что касается советов... Он был отчаянный спорщик, и хотя

сгоряча мои предложения обычно отвергал, иногда, к моей радости, к ним прислушивался.

А своё я читала ему редко. Он был ко мне страшно придирчив и безжалостно жучил за неточные слова и метафоры. Мои тексты, в отличие от Мариковых, не богаты диалогами, и читать их вслух скучно. А Марик, благодаря театральному образованию, был великий мастер диалога; многие его литературные произведения просто просятся на экран.

Я уже писала, что к тому нашему первому общему Новому году Марик издал нашу переписку в виде альбома тиражом два экземпляра и дал ей название «*Ex Epistolis*», с подзаголовком «Эпистолярный роман». Друзья переписку прочитали, одобрили и посоветовали издать книгу приличным тиражом. Меня, однако, смущала сентенция, полученная однажды от Дины Рубиной. Я как-то попросила у неё разрешения опубликовать в своей книге несколько фрагментов нашей с ней переписки. «В переписке надо ждать,— писала мне в ответ Дина,— пока хотя бы один из собеседников отдаст концы». Я поделилась этим с Мариком. Он, однако, предложил нарушить сформулированный Диной канон, и мы начали готовить нашу переписку к публикации. В личной переписке, конечно, многое было не для широкого читателя; будущая книга требовала тщательной редакции. Работа шла медленно, потому что у каждого были свои, «левые» литературные дела: Марик готовил к изданию сборник рассказов «Розыгрыш», недавно опубликованный с предисловием Войновича; параллельно писал роман «Синее перо» о тёте Фире и Моське Гольдштейне, фрагмент которого приведен выше. Он не успел его закончить, но куски, которые он читал мне вслух, возможно — лучшее из всего, им написанного. Я тоже писала-редактировала свою, недавно изданную, книгу «Автограф». Так что *Ex Epistolis* существовал для нас обоих как бы на втором плане.

И вдруг Марик тяжело заболел. Мы оба схватились работать над книгой, но — не успели. Марик оставил мне указания, что и как он хотел бы отредактировать и чем закончить. По мере сил я это выполнила. Работа была нелёгкая, я уже полгода не расстаюсь с нашей перепиской. Наш разговор продолжается, и это уже навсегда.

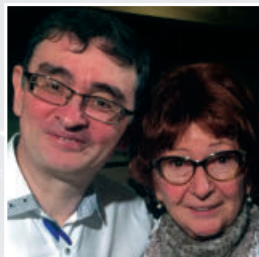
Марк Копелев сменил много мест проживания и много профессий, как средства добывания средств проживания. Причём смена одного

зависела от смены другого. Когда он решил сменить страну, которая его растила, воспитывала, кормила и одевала, обиженная сторуна отрешила его от должности кинорежиссёра-документалиста, и Марк решил испытать себя в новом деле — в деле шитья штанов и прочих предметов одежды, в чем неожиданно достиг таких высот, что, оказавшись в стране, которая его не растила и не кормила, был принят на работу в Метрополитен-оперу, куда пробиться портным примерно так же трудно, как и солистом. Много лет он там шил новомодные штаны, старомодные камзолы и чёрт знает что ещё, пока не приобрёл достаточно опыта, чтобы освоить ещё две профессии — фотографа и писателя. Этим он доставляет своим читателям много удовольствия и сам его получает. Правда, денег получает меньше, что, впрочем, неудивительно, потому что все читатели рассказов носят штаны, но не все носители штанов читают рассказы.

Владимир Войнович

*(из предисловия к книге рассказов
Марка Копелева «Розыгрыш»)*

Эта книга — эпистолярный роман, и как у всякого эпистолярного романа, у неё есть два автора, и обоих авторов я люблю. К сожалению, Марк Копелев — мой друг, очень близкий, в этом году от нас ушёл. Это человек изумительной, удивительной судьбы. По образованию театральный режиссёр, Марк вынужден был уехать из СССР и много лет проработал в Метрополитен-Опера портным в пошивочном цехе. Параллельно взял в руки камеру и стал выдающимся фотохудожником. У меня есть песня, посвящённая Марку Копелеву. Она так и называется «Фотограф, или правда глаза колет».

Второй автор — Наташа Рапопорт. Для меня — Наташа, а вообще-то она почётный профессор американского университета. Мы с ней когда-то, гуляя по Лас Вегасу, пили виски из горлышка, передавая друг другу бутылку, запрятанную в бумажный пакет. Кроме того, что она профессор, она ещё и замечательный писатель и чудесный человек с изумительным чувством юмора. Вы убедитесь в этом, прочитав книгу, которую сейчас держите в руках.

Тимур Шаов

M-Graphics Publishing

www.mgraphics-publishing.com
info@mgraphics-publishing.com

ISBN 978-1-940220-95-6

9 781940 220956